
УДК 82.0

ЛОЗИНСКАЯ Е.В.¹ ПОСЛЕ ВАЙНБЕРГА. РЕЦЕНЗИЯ НА КН.:
THE RECEPTION OF ARISTOTLE'S *POETICS* IN THE ITALIAN
RENAISSANCE AND BEYOND. NEW DIRECTIONS IN
CRITICISM / Ed. by Brazeau B. – London : Bloomsbury academic,
2020. – 312 p. – (Bloomsbury studies in the Aristotelian tradition).
[Рецепция «Поэтики» Аристотеля итальянским Возрождением и
после него. Новые направления в критике / под ред. Бразо Б.].
DOI: 10.31249/lit/2021.01.02

Аннотация. В книге под редакцией Б. Бразо собраны статьи исследователей из разных стран, изучающих литературную критику и рецепцию «Поэтики» Аристотеля в Италии раннего Нового времени. Переосмысление авторами идей Б. Вайнберга, высказанных им в 1960-е годы в его «интеллектуальной истории» ренессансной поэтологии, позволило вписать ее в двухтысячелетнюю традицию переводов, комментариев и полемических трактатов. Исследователи применяют к итальянским ренессансным текстам новые методы из области истории книг, переводоведения, истории эмоций и рецепции античного наследия и включают их в диалог с литературной теорией XX в., тем самым намечая новые направления для исследований.

Ключевые слова: Аристотель; «Поэтика»; Бернард Вайнберг.

LOZINSKAYA E.V. After Weinberg. Book review: The reception of Aristotle's *Poetics* in the Italian Renaissance and beyond. New directions in criticism / Ed. by Brazeau B.

¹ Лозинская Евгения Валентиновна – старший научный сотрудник отдела литературоведения Института научной информации по общественным наукам РАН.

Abstract. The book written by an international team of scholars and edited by B. Brazeau explores literary criticism and reception of Aristotle's «Poetics» in early modern Italy. Revisiting the «intellectual history» of Renaissance poetic studies written by Bernard Weinberg in 1960-s, the contributors find its own place within the 2000-years long tradition of translations, commentaries and polemic treatises. The authors apply new methods from book history, translation studies, history of emotions and classical reception to early modern Italian texts, placing them in dialogue with 20th-century literary theory, and thus map out avenues for future study.

Keywords: Aristotle; *Poetics*; Bernard Weinberg.

Для цитирования: Лозинская Е.В. После Вайнберга. [Рецензия] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7 : Литературоведение. – 2021. – № 1. – С. 23–32. – Рец. на кн.: The reception of Aristotle's *Poetics* in the Italian Renaissance and beyond. New directions in criticism / Ed. by Brazeau B. – London : Bloomsbury academic, 2020. – 312 p. – (Bloomsbury studies in the Aristotelian tradition). – DOI: 10.31249/lit/2021.01.02

Изучение рецепции «Поэтики» Аристотеля в эпоху раннего Нового времени немислимо без опоры на капитальный труд одного из ярких представителей чикагского неоаристотелизма середины XX в. Бернарда Вайнберга. Его двухтомная «История литературной критики итальянского Возрождения»¹ являет собой непревзойденный по сию пору образец высокой научной эрудиции, широты охвата материала и тщательности его анализа. За прошедшие с момента выхода работы Вайнберга полвека так и не было создано равноценного труда по этой теме. Более того, «История» и сейчас в значительной степени определяет имплицитные и эксплицитные установки исследователей при описании пространства литературной теории Чинквеченто, а в практическом плане круг изучаемых источников почти не расширился, изучаются в основном одни и те же тексты. Видимо, настало время для выработки новых подходов в этой научной области и для осмысления места и значения труда Вайнберга в истории дисциплины. Именно

¹ Weinberg B. A history of literary criticism in the Italian Renaissance : in 2 vol. – Chicago ; London, 1961.

такова цель рецензируемого издания, подготовленного по материалам конференции, состоявшейся в Чикаго 9–10 марта 2017 г.

Как справедливо указывает редактор и составитель книги Б. Бразо, рецепцию «Поэтики» в период раннего Нового времени изучать непросто. Затруднения исследователей порождаются гетерогенностью текстов, синкретизмом теорий, в которых аристотелизм соседствует с неоплатонизмом, горацианством и цитцеронианством, переплетением в рамках одного трактата риторических, литературно-критических, этических и политических идей. На осмысление Аристотеля оказали влияние Реформация и Контрреформация, а также возникновение новых литературных форм и жанров. Исследование рецепции «Поэтики» в эпоху Чинквеченто Б. Бразо сравнивает с путешествием по «интеллектуальной чащобе с множеством развилочек, случайными прогалинами, неожиданными встречами и частыми тупиками» (с. 2). Фундаментальный труд Б. Вайнберга стал в свое время хорошим путеводителем по этим теоретическим «зарослям» и в первую очередь потому, что, в отличие от более ранних исследователей (например, Ч. Трабальца¹ и Дж.Э. Спингарна²), ограничивавшихся простым резюмированием трактатов, Вайнберг предложил внятную концепцию ренессансного восприятия «Поэтики» «сквозь горацианскую оптику», как движения от ассимиляции текста со старой и устойчивой традицией риторически ориентированной критики к более аутентичному его пониманию. Сходную позицию занял и другой крупный исследователь той эпохи Б. Хатуэй в работе «Век критики»³, опубликованной через год после двухтомника Вайнберга.

Однако, как отмечает Б. Бразо, и Вайнберг, и Хатуэй проигнорировали другие интерпретативные и культурные парадигмы, существенным образом повлиявшие на рецепцию Аристотеля. В первую очередь это относится к Контрреформации и тому влиянию, которое религиозная культура оказывала на поэтологические трактаты. Б. Вайнберг, во многом под влиянием Б. Кроче, сводил

¹ Tralbalza C. La critica letteraria dai primordi dell'umanesimo all'età nostra : in 2 vol. – Milano, 1913–1915.

² Spingarn J.E. A history of literary criticism in the Renaissance. – New York, 1899.

³ Hathaway B. The age of criticism : The late Renaissance in Italy. – Ithaca ; New York, 1962.

это влияние к ограничениям, налагаемым решениями Тридентского собора на восприятие и создание поэзии. Между тем итальянская Контрреформация принесла богатые плоды как в области литературной теории, так и в разнообразной поэтической практике.

Другим важным моментом, упущенным в исследовании Вайнберга, стал тот факт, что в эпоху Чинквеченто и на латыни, и на народном языке существовала развитая и устойчивая традиция толкования аристотелевской мысли в области этики, политики и метафизики. Литературные критики той эпохи для интерпретации сложных мест «Поэтики» нередко обращались к другим работам аристотелевского канона и, что еще важнее, к авторитетным комментариям. Так, Торквато Тассо цитирует комментарий Аквината на «Политику» для объяснения применимости понятия катарсиса к эпической поэме; Язон Денорес совмещает обсуждение поэтологических идей Аристотеля с его теорией трех видов правления, отмечая, что при каждом из них следует культивировать тот или иной жанр. Таким образом, пресуппозиции в восприятии «Поэтики» не сводятся лишь к риторическим и неоплатоническим установкам.

Широта охвата материала и скрупулезное изучение источников сами по себе являются неоспоримыми достоинствами труда Б. Вайнберга. Вместе с тем они в известном смысле ограничили дальнейшее изучение итальянской теоретической поэтики раннего Нового времени (по крайней мере в англоязычных странах), создав впечатление, что все важное уже сказано и осталось лишь место для отдельных мелких наблюдений в рамках готовой теории. И нередко «следование проложенным тропинкам» становилось заменой внимательному изучению конкретных текстов во всем их индивидуальном своеобразии, а значительный объем материалов так и не вошел в научный оборот. На подбор материалов оказала влияние деятельность Б. Вайнберга и Х. Бэрона как собирателей раннепечатных изданий. Кроме того, и в целом книга Вайнберга стала продуктом своего времени – исследовательской среды, сложившейся в послевоенные годы в Чикагском университете, американского неоаристотелизма (Чикагской школы), возникшего как ответ на доминирование Новой критики в американском литературоведении.

Однако все эти соображения не заставляют авторов сборника отказаться от наследия Вайнберга в изучении литературной критики раннего Нового времени, скорее, наоборот, в каком-то смысле они продолжают вайнберговскую традицию. Вайнберг переосмыслил историю литературной критики в русле новых тенденций, развившихся в науке шестидесятых годов, и точно так же современные ученые переосмысливают и раскрывают суть его собственного подхода, опираясь на достижения современного литературоведения. Это проявляется и в том, что их книга задумывалась не как новая историография итальянской поэтологии, а как «пространство для диалога, который приведет к новым идеям о рецепции “Поэтики” Аристотеля в Италии XVI в, в Чикаго середины XX в. и, в конце концов, сегодня – нами самими как критиками» (с. 6). Вместе с тем «Рецепция “Поэтики” Аристотеля» не стала обычным сборником статей, объединенных лишь общим предметом, ее скорее следует назвать коллективной монографией. В ней последовательно и планомерно доказываются взаимосвязанные тезисы, раскрываются с разных сторон несколько тем: нюансированное прочтение интерпретативной практики эпохи Чинквеченто, выходящее за рамки подходов, заданных Вайнбергом, Бутчером и Спингарном; внимание к материальной культуре и книге как физическому объекту; значимость интерпретации «Поэтики» не только для истории литературной критики, но и для современной науки.

Коллективная монография разделена на три части: «Составить карту и заново провести границы», «Частные случаи: Критические диспуты и прочтения», «Новые теоретические горизонты».

Статьи, вошедшие в первую из них, сфокусированы на осмыслении вклада Б. Вайнберга в изучение рецепции Аристотеля, на его идеологических предпосылках и – шире – на таковых в современном изучении литературной критики раннего Нового времени. Первая глава (авторы – Э. Бальдассарре, П.Ф. Гел, Л. Марки) основана на исследовании книжного наследия Б. Вайнберга, собиравшего печатные издания раннего Нового времени. В приложении приводится список 684 книг, изданных до 1800 г., принадлежавших ученому, что стало первой тщательной описью его книжного собрания. Между тем реконструкция состава его библиотеки имеет не только историографическое значение. Она важна

для прояснения использованных Вайнбергом при написании «Истории» источников, которые отчасти определяли его интерпретации.

Миша Лазарус (Тринити-колледж, Оксфорд) поставил закономерный и важный вопрос: насколько аутентично прочтение Аристотеля самим Вайнбергом? Если следовать логике Вайнберга, получается, что 2000-летняя история интерпретации «Поэтики» представляет собой цепь сплошных ошибок. В первую очередь это проявляется в многовековой традиции ассимиляции аристотелевского подхода с риторическими и морализаторскими идеями. Вместе с тем, как показывает М. Лазарус, основания для нее имелись в самом тексте Аристотеля и в его «Органоне» – общем корпусе основных работ Стагирита. В частности, это касается критикуемой Вайнбергом практики извлекать из трагедий «максимы» – обобщенные моральные сентенции.

Владимир Брляк ставит под вопрос традиционную периодизацию литературной теории, согласно которой именно критика XVI–XVII вв. заложила основы поэтики Нового времени с ее враждебностью по отношению к аллегории. Канонический взгляд на ренессансную теорию зародился еще в работах Спингарна и Сэнтсбери, но в значительной мере определил и подход Вайнберга. Как показывает исследователь, Вайнберг проигнорировал присутствие аллегорической поэтики во многих источниках, а в результате создал неверное представление о том, что аллегория в ту эпоху перестала восприниматься как первостепенная поэтологическая категория. И это отнюдь не частный вопрос о большей или меньшей распространенности одной из поэтических фигур. В. Брляк связывает эту особенность «Истории» с принятием Вайнбергом общей идеи Буркхардта о том, что Возрождение стало исходным моментом «модерности» (modernity), разделяющим культуру Средних веков и Нового времени. Именно эта установка затрудняет написание новых историй ренессансной поэтики.

Вторая часть книги содержит главы, сфокусированные на рассмотрении конкретных моментов из истории теоретической поэтики эпохи Ренессанса. В них наглядно демонстрируется, что в «Истории» Вайнберга, несмотря на ее фундаментальность и беспрецедентную эрудицию автора, осталось много белых пятен, которые могут быть заполнены с помощью современных методов филологического анализа.

Дебора Блокер исследует деятельность членов флорентийской Академии дельи Альтерати, коллективно изучавших и аннотировавших один из манускриптов «Поэтики» (1573). Ее подход основан на принципах book-history – изучении книг в их материальности (и циркуляции манускриптов, когда речь идет о рукописной традиции) – и во многом сходен с принципами Новой (материальной) филологии и Новой медиевистики, ориентированной на учет физической формы бытования текстов и в то же время социальных, институциональных и политических контекстов. Ее исследование хорошо иллюстрировано фотографиями манускрипта и содержит подробный анализ почерков, которыми написаны маргиналии.

Симон Джилсон рассматривает вклад Вайнберга в изучение диспута о Данте на фоне более новых исследований предмета, показывающих, что речь тогда шла не только об оценке «Комедии», но и о важнейших философских и эстетических проблемах – в частности теории воображения и целях вымысла. Надо сказать, что, по крайней мере имплицитно, и сам Вайнберг признавал общетеоретическую важность дискуссии: об этом свидетельствует и количество уделенных ей страниц. В то же время у Вайнберга эти вопросы связываются по преимуществу с изложением теории Джакомо Маццони, а Джилсон сосредоточивается в первой части главы на вкладе самых ранних авторов, которым в «Истории» уделено меньше внимания, – Пьетро Бембо, Бернардино Томитано и Карло Ленцони. Он рассматривает их позиции в региональном и институциональном контексте, демонстрируя наличие интенсивного и продуктивного диалога между флорентийскими и падуанскими интеллектуалами. Во второй половине главы Джилсон переносит фокус внимания на второе «Рассуждение о Данте» Спероне Сперони, в особенности на его доказательные и экзегетические стратегии. Недооценку этого трактата он объясняет интересом Вайнберга и других авторов в первую очередь к процессу ассимиляции в литературную критику идей «Поэтики», что повлекло за собой игнорирование других литературно-критических парадигм. Сперони примечателен тем, что смог отстраниться от запутанных теоретических споров вокруг Данте и в результате дать оценку поэмы как таковой, ее языку, нарративным стратегиям и способам создания персонажей.

Сара ван дер Лаан исследует влияние читательских практик на теорию, используя методы современного направления – «истории чтения» – в сочетании с традиционным анализом поэтологических идей. Конкретным материалом для ее работы стало прочтение (в прямом смысле слова, не в значении «интерпретация») «Одиссеи» одним из членов сиенской академии – Орацио Ломбарделли. Он читал «Одиссею» в переводном издании 1549 г. и оставил на полях книги (ныне хранящейся в Британском музее) множество пометок. Их анализ позволяет полнее и точнее интерпретировать суждения Ломбарделли об «Освобожденном Иерусалиме» и, более того, – интеллектуальный климат, в котором протекало переосмысление Гомера самим Тассо. Серьезный методологический вклад С. Ван дер Лаан в изучение литературно-критической мысли Чинквеченто заключается в указании на возможность (и необходимость) использования маргиналий и читательских заметок для прояснения тех вопросов, которые не нашли отражения в теоретических трактатах или получили в них недостаточное освещение.

Последняя часть книги призвана исследовать, каким образом современные теоретико-литературные представления могут «вступить в продуктивный диалог» с ренессансной поэтикой (с. 10). Джейн Тайлус применяет элементы современной теории перевода и стилистики к изучению риторики и поэтики Чинквеченто. Предметом анализа в ее статье становится поэтика Тассо в контексте эволюции и расцвета народных языков. Вопреки господствующей в то время тенденции, направленной к канонизации тосканского как общетальянского литературного языка, Тассо вырабатывает свой собственный – «чужой», «страннический» (как он сам называет его) – идиолект. Он включает в свою поэтическую речь латинизмы, диалектизмы, неологизмы, при этом как бы испрашивая «гостеприимства» читателя и для своих персонажей-странников, и для этой «чужой» речи. Тайлус выдвигает тезис о «страннической» эстетике Тассо (который, кстати, и сам вел жизнь странника), в которой стиль и форма поэмы акцентируют собственную инаковость и тем самым создают особый тип удивительного (*maraviglioso* – одна из ключевых категорий ренессансной поэтики).

Брайан Бразо обращается к совершенно иным исследовательским методам, опираясь на так называемую «историю эмоций». Он рассматривает историю поэтик раннего Нового времени не как теоретический диспут, а как попытку зафиксировать реакции на новые жанры, тексты и речевые практики, в которых нашел отражение общий сдвиг в эмоциональных нормах, характерный для того времени. Это новый и весьма продуктивный взгляд на литературную теорию Чинквеченто, которая традиционно описывается как попытка выработать некоторые прескриптивные нормы для поэтической продукции нового типа. Особое внимание Бразо уделяет акценту Лодовико Кастельветро, Тассо и Язона Денореса на читательской (зрительской) психологии и реакциях аудитории на поэтическое произведение. Он связывает категорию удивительного у Тассо с ее использованием в теории Кастельветро в рамках концепции «косвенного удовольствия».

Заключительная глава книги, написанная Ашей Раманчадран, выводит обсуждение поэтик эпохи Чинквеченто на новый уровень рефлексии, подводит его итог и одновременно дает ему основание. Раманчадран ставит простой вопрос: «В чем сегодня для нас заключается интерес, помимо чисто исторического интереса антиквара, к проходившим в XV–XVI вв. дебатам о правильной интерпретации литературных текстов?» (с. 229). Отвечая на него, она проводит параллели между конкретными моментами в развитии современной литературной теории и в дискуссиях того времени, казалось бы, далекого от нас по фундаментальным эстетическим установкам. При этом ее аналогии затрагивают наиболее важные и общие проблемы литературоведения. Так, например, она трактует противостояние Нового историзма (с его акцентом на социально-политических и культурных контекстах) и Нового формализма (с его вниманием к целостности художественной формы и тезисом о независимости смысла от локальных контекстов) как проявление того разделения, которое имело основания в литературной критике раннего Нового времени. Но критики эпохи Чинквеченто являлись одновременно «историками», акцентируя временные различия, и формалистами, придавая особое философское значение форме поэмы (языку, стилю, жанру). И именно такова, на ее взгляд, и должна быть фундаментальная установка современного литературоведения, в которой вопросы истории и формы долж-

ны переплетаться. Исследовательница находит также содержательные аналогии между «жанровыми» дебатами Чинквеченто (в частности, обсуждением, кто является истинным эпическим поэтом – Тассо или Ариосто) и современными дискуссиями о «гибридных жанрах», затрагивающими, как и в раннее Новое время, не только и не столько вопросы формы, сколько проблемы этики жанра. Она обращает внимание на сходство сформулированной в программном номере журнала «New literary history»¹ Р. Фельски задачи современного гуманитария и того, как ее представляли себе гуманисты: открывать, изучать и передавать традицию. Поэтому, «возвращаясь к корпусу литературной критики ренессансной Италии для переосмысления ее значимости и для написания ее новой истории, мы тем самым становимся участниками движения “нового литературного гуманизма” – критического и конструктивного проекта, настойчиво утверждающего неизменную значимость *translatio studii* и привлекающего внимание к возможностям, которые оно открывает для диалога поверх временных и пространственных границ» (с. 246).

¹ *Recomposing the humanities – with Bruno Latour // New literary history.* – 2016. – Vol. 47, N 2–3. – P. 215–476.